Ли Сычэнь полагал, что суровые испытания остались позади, но действительность быстро доказала: он был слишком наивен. Съемки растянулись на долгие шесть месяцев. Каждый раз, когда дело доходило до ключевых сцен, режиссер Бенсон вызывал актеров по одному, давая подробные наставления. Всех, кроме него. Поначалу Ли Сычэня это задевало, он злился и не понимал причин такого пренебрежения, но в конечном итоге смирился. Ему не оставалось ничего другого, кроме как опираться на собственное чутье и наблюдения, пытаясь разгадать суть чужих персонажей и глубину своего собственного. Мысль о возможном провале заставляла его работать на пределе сил.

Спустя четыре месяца на площадке, как и предсказывал режиссер, осталось всего четверо. Но расслабляться не приходилось: Бенсон во всеуслышание заявил, что малейшая ошибка все еще может привести к исключению. Более того, в финале лишь один станет истинным протагонистом, вокруг которого сосредоточится вся мощь сюжета. Это подстегивало актеров, заставляя их мчаться вперед, не чуя под собой ног. Ли Сычэнь испытывал колоссальное давление, но и остальные трое едва справлялись с нервным напряжением — такова была цена работы без готового сценария.

За это время они повидали немало. Были и моменты мимолетной радости, и горькие разочарования, и сцены, от которых щемило сердце. Однако Ли Сычэнь, слишком долго живший под неподъемным грузом ответственности, к концу съемок перестал принимать эти тяготы близко к сердцу. Даниэль и остальные тоже постепенно обрели душевное равновесие. В конце концов, у каждого свой путь, и важно лишь то, как ты по нему идешь.

В последний день, когда пришло время снимать заключительную сцену, режиссер впервые после того памятного прослушивания собрал всех вместе. Финал не допускал импровизаций; только четко выверенная концовка могла стать тем самым кульминационным штрихом, который превращает историю в шедевр.

За время этого долгого пути Ли Сычэнь наконец осознал, почему темой фильма выбрали «Религию и человечность». Человеческая натура многогранна, и хотя чаще всего ее делят на добро и зло, существует и иная грань — решения, продиктованные любовью к близким или преданностью друзьям. Такие поступки невозможно однозначно заклеймить как греховные или превознести как святые.

Помимо Майка, выбывшего в первый же день, из четверки ушли еще двое. Один попытался убить друга ради собственного спасения, но погиб сам по нелепой случайности. Другой предал всех ради призрачного образа матери из своих снов; его финал был трагичен, но в миг смерти его озарили первые лучи рассвета.

Каждый, кто встречался им на пути, нес свою историю — о счастье, о горе, о вере или ее утрате. Ли Сычэню, как и тому мужчине из начала их пути, не раз доводилось видеть людей, проклинающих Бога за свои семейные несчастья, и всякий раз он погружался в глубокие раздумья.

— В последней сцене главной фигурой будет Карлос, — низкий голос режиссера эхом разнесся в тишине. — Ваша задача — безупречно подыграть ему.

— Почему именно он? — Линна задала вопрос резко, в тон своему персонажу. Очевидно, месяцы съемок наложили отпечаток на ее характер, сделав ее еще более властной и прямолинейной.

— «Почему он?» — хороший вопрос. Но то, что ты его задаешь, означает лишь одно: ты так и не слилась со своим персонажем, не прочувствовала логику событий, — Бенсон тяжело вздохнул. — Ты разочаровала меня, Линна.

Девушка порывисто опустила голову:

— Простите, режиссер. Кажется, я поняла.

В ее голосе все еще сквозила обида. Все они выкладывались на полную, и хотя каждая из оставшихся ролей была значимой, каждому хотелось занять ведущую позицию в финале.

— Линна, — Даниэль положил руку ей на плечо. — Наш актерский опыт куда богаче, чем у него, но победа осталась за ним. Знаешь почему?

Полгода съемок сблизили их, и Даниэль в этот последний день был готов поделиться своим видением.

— Почему? — тут же переспросила она. Она могла понять, почему Карлос стал центром финала с точки зрения сюжета: их персонажи были раскрыты до конца, и лишь он оставался окутан тайной, без разгадки которой картина потеряла бы целостность. Но она не понимала, почему Карлос стал победителем в их негласном соревновании.

Даниэль едва заметно улыбнулся и взглянул на стоящего поодаль Ли Сычэня:

— Потому что на него давили сильнее всех. Его пытались сломить, придавить к самой земле, но он не только выстоял, но и выпрямился во весь рост. В этом нам с ним не сравниться.

— И только-то? — Линна знала, что режиссер часто скрывал от Ли Сычэня важные детали, но если это и было единственной причиной его триумфа, она не могла с этим смириться. — И что это доказывает? Лишь то, что режиссер выделял его? Если это критерий мастерства, то весь этот отбор — просто дурная шутка.

— Посуди сама, — Даниэль улыбнулся шире. — Смогла бы ты на его месте, не зная правды, каждый раз выдавать столь безупречную игру? Каждый божий раз.

Слова Даниэля попали в цель. Линна осеклась, но все же попыталась возразить:

— Будь я на его месте, я бы смогла… я…

— Тебе все еще кажется это несправедливым? Что ж, сейчас у тебя будет шанс проверить себя, — Даниэль указал на Ли Сычэня, который о чем-то негромко беседовал с Бенсоном. — Зная нашего режиссера, я уверен: то, что сейчас произойдет с Карлосом, станет для него полной неожиданностью. Попробуй ощутить то, что чувствовал он все эти месяцы: когда мы знаем истину, а он — нет. Посмотрим, сможешь ли ты выдержать такое давление и не сорваться, как это случилось с Майком.

При упоминании Майка Линна непроизвольно прижала ладонь к груди. Прошло несколько месяцев, но она до сих пор отчетливо помнила тот леденящий ужас, с которым смотрела, как он срывается со скалы, не зная, что это лишь часть постановки. Тот первобытный страх глубоко пустил корни в их душах; несколько ночей после того случая их мучили кошмары. Именно поэтому, когда уходили другие, их предупреждали заранее. Всех, кроме Ли Сычэня.

К предстоящему испытанию были готовы все, но когда начался мотор, актеры так сильно заволновались, что, казалось, их сердца выпрыгнут из груди. Они застыли в неподдельном ужасе.

Бенсон всегда умел ошеломить. Он начал съемки без сценария, он раз за разом доводил группу до исступления, и именно он срежиссировал этот финал, от которого кровь стыла в жилах.

Ли Сычэнь не веровал в Господа. Не уверовал он и в самый последний миг. Его бредущая, спотыкающаяся фигура заставила всех присутствующих сжаться от невыносимой боли.

***

На следующий день прибыли родители. Шесть месяцев изнурительных съемок под постоянным гнетом не прошли бесследно: все четверо сильно осунулись. Эта перемена была настолько разительной, что если бы кто-то сравнил их фото до и после, он бы не поверил своим глазам.

— Карлос! — Мишель со слезами на глазах прижала сына к себе. — Мой бедный мальчик… Я так долго старалась, чтобы ты хоть немного поправился, а теперь ты снова такой же, каким я увидела тебя впервые. Пообещай мне, что мы больше никогда не согласимся на такие роли, хорошо?

— Мама, со мной все в порядке, — Ли Сычэнь осторожно коснулся своего предплечья. — Я похудел, это правда, но зато стал намного сильнее. Потрогай, здесь одни мышцы.

Когда он только приехал в Америку, его худоба была следствием истощения, но здесь, несмотря на все тяготы и бесконечные переходы, кормили их на совесть. Они подтянулись и окрепли, их физическая форма была куда лучше прежней.

Но Мишель было не переубедить. Она лишь жалобно гладила его по впалым щекам:

— Нет, смотреть на тебя больно. Дома я обязательно тебя откормлю. Пока тебя не было, я выучила несколько китайских блюд. Правда, пробовать было некому, так что не знаю, насколько удачно вышло.

— Я буду есть все, что ты приготовишь, — Ли Сычэнь улыбнулся матери.

За этот год прошлая жизнь понемногу стиралась из памяти; он начал забывать вкус голода и даже стал немного привередлив в еде. Но когда дело касалось того, что приготовлено руками близкого человека, всякая разборчивость исчезала.

— Знала, что мой Карлос всегда найдет доброе слово, — рассмеялась Мишель. — Но я хочу, чтобы еда приносила тебе радость.

Ли Сычэнь серьезно кивнул:

— Если готовишь ты, я всегда радуюсь от всего сердца. Обещаю.

Разборчивость — это когда тебе не нравится само блюдо. Но как может не нравиться то, что сделано матерью? Если у других получается невкусно, то лишь потому, что они не вкладывают в это душу.

— Ну хорошо. А теперь, Карлос, попрощайся со всеми, нам пора ехать, — распорядилась Мишель.

— Да, — Ли Сычэнь обернулся и помахал рукой Даниэлю и остальным. — Всем пока! До встречи!

Но едва он договорил, Мишель легонько хлопнула его по затылку и шутливо отчитала:

— Что за каменное лицо? С друзьями нужно прощаться теплее!

— Ой, — Ли Сычэнь потер щеки. За время съемок он так привык к маске своего персонажа, что лицо будто окостенело. Немного размяв их, он лучезарно улыбнулся и снова замахал рукой: — Прощайте! Даниэль, Линна, Лилиан! Мы с мамой поехали домой!

Они стояли в оцепенении, глядя вслед отъезжающей машине.

— Вы уверены, что это был Карлос? — Даниэль первым обрел дар речи. — Он… он умеет так улыбаться?

За все шесть месяцев они не видели на его лице даже подобия улыбки, и этот внезапный свет

их просто ошарашил.

— Наверное… — неуверенно отозвалась Линна. — Это словно два разных человека. Если таков он настоящий, то его актерский талант просто за пределами понимания.

Лилиан, прижимая к себе старую, но тщательно выстиранную куклу, склонила голову набок:

— Очень необычный человек. Очень.

http://bllate.org/book/17536/1707142